

На правах рукописи

ГОРБАЧЕВА Елена Николаевна

**ДИСКУРСИВНАЯ ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ:
ПРИЗНАКИ, ТИПЫ, ЖАНРЫ**

10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Тамбов 2016

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Карасик Владимир Ильич

Официальные оппоненты: **Гриценко Елена Сергеевна**
доктор филологических наук, профессор,
проректор по научной работе ФГБОУ ВПО
«Нижегородский государственный
лингвистический университет имени Н.А.
Добролюбова»

Олянич Андрей Владимирович
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры иностранных языков
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
аграрный университет»

Стернин Иосиф Абрамович
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры общего языкознания и
стилистики ФГБОУ ВПО «Воронежский
государственный университет»

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Омский государственный
университет имени Ф.М. Достоевского»**

Защита состоится «28» июня 2016 г. в 10.00 на заседании
диссертационного совета Д 212.261.04 при Тамбовском государственном
университете имени Г.Р. Державина по адресу: 392000, г. Тамбов, ул.
Советская, 181И, учебный корпус №5, зал заседаний диссертационных советов.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» и на сайте:
<http://www.tsutmb.ru>.

Автореферат разослан « » _____ 2016 года

Ученый секретарь
диссертационного
совета

И.Ю. Безукладова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Данное исследование выполнено в русле прагмалингвистики и дискурсивного анализа. **Объектом** изучения является перформативность как дискурсивный феномен, **предметом** анализа – его признаки, типы и жанры.

Актуальность работы обусловлена следующими причинами: 1) прагмалингвистика как область лингвистического знания является одним из магистральных направлений развития современной науки о языке, вместе с тем многие проблемы данного направления языкознания остаются дискуссионными, это относится к пониманию и объяснению феномена перформативности; 2) когнитивно-дискурсивный подход к изучению перформативности позволяет осветить сущность этого явления с учетом достижений в осмыслении действия с позиций разных областей гуманитарного знания; 3) выявление и описание прагматических характеристик различных типов действий в разных типах дискурса дает возможность более глубоко осмыслить и эффективнее организовать коммуникативную практику.

Цель исследования заключается в характеристике признаков, типов и речевых жанров дискурсивной перформативности. Поставленная цель конкретизируется в ряде **задач**:

- 1) определить конститутивные признаки дискурсивной перформативности;
- 2) построить лингвокогнитивную модель действия как системообразующего конструкта перформативности;
- 3) выявить способы манифестации перформативности в дискурсе;
- 4) охарактеризовать языковую личность как субъекта перформативности;
- 5) построить типологию дискурсивной перформативности;
- 6) установить специфику актуализации перформативности в разных типах дискурса.

Научная новизна диссертации определяется следующими полученными автором практическими результатами и теоретическими выводами:

- 1) обоснован прагмалингвистический подход к изучению дискурса с позиций перформативности;
- 2) определены конститутивные признаки дискурсивной перформативности;
- 3) построена типология дискурсивной перформативности;
- 4) выявлены характеристики фактогенной и стратегической перформативности;
- 5) охарактеризована языковая личность как субъект перформативности;
- 6) выявлены способы манифестации дискурсивной перформативности применительно к юридическому, рекламному, политическому и персональному типам дискурса.

Личный вклад автора также состоит в обосновании и введении в научный обиход понятий «фактогенная перформативность» и «стратегическая перформативность» и разработке концепции анализа дискурса с позиций

данных типов перформативности. Данная концепция основана на выдвигаемом положении о том, что перформативность в широком понимании есть коммуникативная фактуализация явления (фактогенная перформативность), в узком понимании - языковое осуществление поступка (стратегическая перформативность). Разработанная теория опирается на лингвокогнитивную трехкомпонентную модель действия (операция – действие – поступок), выступающую в качестве системообразующего конструкта перформативности. На основе деятельностной триады «операция – действие – поступок» в работе анализируются способы манифестации перформативности в дискурсе, а также выделяются три разновидности перформативной языковой личности: инстинктивная, рефлексирующая, интуитивная.

Материалом для исследования послужили тексты произведений художественной литературы, собранная автором картотека записей устной и письменной речи, текстов общественных знаков, рекламных объявлений и слоганов, скрипты судебных заседаний, художественных фильмов, примеры из электронных баз данных «Русский национальный корпус» и «Британский национальный корпус», данные сплошной выборки из русско- и англоязычных толковых, фразеологических, этимологических, синонимических и ассоциативных словарей, паремиологических источников. В качестве единицы анализа рассматривался текстовый фрагмент, в котором дискурсивная перформативность имеет формально-функциональную либо функционально-семантическую выраженность: от высказываний в одно предложение до целого абзаца или диалогического единства. Всего проанализировано более 10 тыс. текстовых фрагментов.

Изучение перформативности как дискурсивного феномена потребовало использования комплексной методики анализа. В качестве **методологической основы** исследования послужили научные концепции, разработанные в рамках следующих научных направлений: психологии деятельности (В.П. Зинченко, Т.В. Корнилова, А.А. Леонтьев, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, А.В. Петровский, С.Л. Рубинштейн, Д.Н. Узнадзе); философии деятельности и детерминистской философии (Н.А. Бердяев, В.В. Давыдов, К. Маркс, Ф. Энгельс); теории социального действия (М. Вебер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Дж. Тернер); когнитивной лингвистики (А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, В.В. Колесов, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, М. Минский, М.В. Пименова, З.Д. Попова, О.Г. Почепцов, Ю.С. Степанов, В.И. Теркулов); теории дискурса (Т. ван Дейк, Л.Г. Васильев, В.И. Карасик, Т.Н. Колокольцева, М.Л. Макаров, А.В. Олянич, Г.Г. Слышкин, В.И. Тюпа, Е.И. Шейгал); теории коммуникации (Г.П. Грайс, О.С. Иссерс, В.Б. Кашкин, Л.В. Куликова, О.А. Леонтович, В.А. Митягина, В.П. Москвин, И.А. Стернин, Ю. Хабермас, В.И. Шаховский); теории речевых актов (Ю.Д. Апресян, И.М. Кобозева, Дж. Остин, А.А. Романов, Дж. Серль, П.Ф. Стросон, И.П. Сусов, F.N. van Eemeren, R. Grootendorst); теории речевых жанров (Н.Д. Арутюнова, М.М. Бахтин, А. Вежбицкая, В.Е. Гольдин, В.В. Дементьев, М.Н. Кожина, К.Ф. Седов, О.Б. Сиротинина, М.Ю. Федосюк, Т.В. Шмелева).

В диссертации использовались следующие **методы исследования**: понятийный анализ (содержательный анализ научных понятий, относящихся к психологической, философской и социологической концепциям действий, прагмалингвистике, когнитивной лингвистике, генристике, теории дискурса), анализ словарных дефиниций, интерпретативный анализ текстовых фрагментов, иллюстрирующих проявление дискурсивной перформативности, интроспекция.

Степень научной разработанности проблемы. Перформативность как категория прагмалингвистики неоднократно привлекала к себе внимание исследователей (Апресян, 1986; Арутюнова, 1998; Красина, 1999; Романов, 1984). Установлены признаки перформативного речевого действия (Богданов, 1990; Остин, 1986; Серль, 1986), выявлены различия между перформативными и описательными речевыми действиями (Остин, 1986), освещены характеристики перформативности как социально-культурного явления (Четыркина, 2006), описаны семантический и прагматический аспекты композитных перформативов (Романова, 2009), показаны перспективы изучения коммуникативных феноменов с позиций перформативности (Карасик, 2014). Вместе с тем остаются дискуссионными признаки перформативности как дискурсивного феномена, требуется разработка критериев для построения типологии дискурсивной перформативности, не освещены дискурсивно релевантные типы языковых личностей, представляется продуктивным для развития прагмалингвистики и теории дискурса описание способов манифестации перформативности в разных типах дискурса и речевых жанрах.

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать следующие **основные положения** концепции анализа дискурса с позиций фактогенной и стратегической перформативности, которые **выносятся на защиту**:

1. Одним из подходов к изучению дискурса является его прагмалингвистическое моделирование с позиций перформативности: в широком понимании – как коммуникативной фактуализации явления, в узком понимании - как языкового осуществления поступка.

2. Конститутивными признаками дискурсивной перформативности являются: а) ситуация личностно обусловленного волевого принятия решений, б) осуществление свободного выбора, в) ответственность за совершенное действие, г) преобразующий характер деятельности, д) ценностная детерминация действия, е) превращение явления действительности в факт языкового сознания и культуры (фактогенность), ж) система способов коммуникативного осуществления поступка (стратегичность).

3. Системообразующим конструктом перформативности выступает лингвокогнитивная трехкомпонентная модель действия (операция – действие – поступок).

Лингвокогнитивная модель операции сводится к следующим компонентам: 1) совершение акта какой-либо деятельности, 2) субъект деятельности - индивид, 3) включенность в состав более сложного действия, 4) автоматизированность, 5) повторяемость в типичной ситуации.

Лингвокогнитивная модель действия выглядит следующим образом: 1) совершение акта какой-либо деятельности; 2) субъект действия - индивид; 3) мотив действия – реализация какой-либо потребности; 4) цель действия - достижение определенного результата; 5) формальные характеристики действия – осознанное / неосознанное; 6) онтологические характеристики – рациональное / нерациональное, истинное / ложное; 7) оценочные характеристики действия – успешное / неуспешное; 8) результат – практическое либо теоретическое освоение действительности.

Лингвокогнитивная модель поступка включает следующие компоненты: 1) совершение акта социального поведения; 2) субъект поступка – личность; 3) установка – реализация определенной ценности / антиценности; 4) формальная характеристика поступка – осознанное, осмысленное и волевое действие; 5) оценочная характеристика поступка – положительное / отрицательное действие; 6) онтологические признаки поступка - событийность, структурность, имманентность, каузальная независимость; 7) ситуация – ответственный выбор между двумя (или более) мотивами; 8) результат – формирование новой социальной реальности.

4. Манифестация перформативности в дискурсе имеет следующие характеристики: а) операции проявляются как эмотивные речевые действия, этикетные высказывания, клишированные перформативы; б) действия реализуются в виде перформативных речевых актов, включая имплицитно выраженные и транспонированные перформативы; в) коммуникативный поступок реализуется как дискурс в ситуации лично обусловленного волевого принятия решений и осуществления свободного ответственного выбора, актуализирующий смысл реального общения посредством одного или нескольких ценностно-нагруженных коммуникативных действий.

5. На основе деятельностной триады «операция – действие – поступок» можно выделить три разновидности перформативной языковой личности: инстинктивная, рефлексивная, интуитивная. Первая оперирует эмотивами, этикетными действиями и клишированными перформативами, сопровождающими «рутинные» ритуалы, на уровне автоматизмов; вторая характеризуется выбором адекватных ее коммуникативным интенциям средств и адресата, способного правильно интерпретировать эти интенции; третья осуществляет волевою актуализацию ценностей посредством коммуникативного поступка.

6. Фактогенность как прагматическая основа перформативности в широком смысле представлена в двух видах в зависимости от конституируемого факта: фактуальная (фокусировка на актуальных моментах действительности) и фактуально-событийная (факт как культурное явление).

Фактогенность определяется видом дискурса, выделенного с позиции социолингвистики: в институциональном дискурсе она выше, нежели в персональном, благодаря таким характеристикам институционального дискурса, как статусная маркированность, конвенциональность, протокольность, преимущественно прямой способ актуализации намерений коммуникантов. В свою очередь, неодинаковая степень выраженности данных

характеристик в разных институциональных видах дискурса обуславливает специфику актуализации в них фактогенной перформативности.

7. Фактогенность дискурса имеет градуальный характер. Усиление фактогенной функции дискурса заключается в переходе фактуальной перформативности в фактуально-событийную, чему способствует ритуализация дискурса. Снижение фактогенности дискурса наблюдается в случае его этикетизации и карнавализации.

8. Выделяются четыре перформативные стратегии: устанавливающая, подтверждающая, трансформирующая и оспаривающая. Каждая стратегия распадается на тактики в зависимости от векторной направленности коммуникации: устанавливающая стратегия реализуется посредством тактик субъектной / адресатной идентификации, лимитирующей и экспансивной тактик; подтверждающая стратегия реализуется посредством тактик доминирующего / недоминирующего и дружественного / конфронтационного субъектного позиционирования; трансформирующая стратегия реализуется посредством тактик мелиоративно- / детериоративно-ориентированного позиционирования; оспаривающая стратегия реализуется посредством дискредитирующей / реабилитирующей тактик. Реализация перформативных стратегий обусловлена определенными социальными или коммуникативными нормами и ценностными доминантами лингвокультуры.

9. Перформативный дискурс представлен определенной системой речевых жанров в зависимости от реализуемых перформативных стратегий: к жанрам устанавливающей стратегии относятся высказывания декларативного, экспрессивного, комиссивного и вердиктивного характера (самопровозглашение, самоустранение от власти; похвальба; обещание, договор; декларация независимости; назначение на должность, судебный приговор); к жанрам подтверждающей стратегии относятся высказывания директивного, реквестивного и регламентативного характера (приказ, запрет; жалоба, молитва; поздравление, соболезнование), а также жанры, соответствующие речевым действиям с оценочными знаками «+» / «-» (похвала, комплимент / упрек, оскорбление, разъяснение / угроза, выражение положительного отношения к адресату / выражение отрицательного отношения к адресату); жанры трансформирующей стратегии соответствуют речевым действиям с оценочными знаками «+» / «-» в переходной ситуации (от сотрудничества к конфронтации и наоборот); к жанрам оспаривающей стратегии относятся высказывания экспозитивного и апеллятивного характера (возражение, спор, раскаяние; вызов на дуэль, вызов на заключение пари).

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в развитие прагмалингвистики, теории дискурса и речевых жанров, характеризуя перформативность как дискурсивный феномен и уточняя специфику манифестации перформативности в разных типах дискурса и речевых жанрах, а также лингвоперсонологии, выявляя характеристики языковой личности как субъекта перформативности.

Практическая ценность работы состоит в возможности использования полученных результатов в курсах общего языкознания, межкультурной

коммуникации, лексикологии и стилистики русского и английского языков, спецкурсах по теории дискурса, прагмалингвистике, генристике, психо- и социолингвистике, лингвофилософии, когнитивной лингвистике.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были представлены в докладах на общероссийских, международных научных конференциях, семинарах, курсах повышения квалификации в Астрахани, Волгограде, Нижнем Тагиле, Саратове, Саранске, Пятигорске, Элисте, Бишкеке (Киргизия), Витебске (Белоруссия), Уральске (Казахстан), а также на заседаниях кафедры английской филологии Астраханского государственного университета, кафедры зарубежной филологии и лингвистики Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, научно-исследовательской лаборатории «Аксиологическая лингвистика» в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете (2006 – 2016 гг.), отражены в монографии, учебном пособии и статьях по теме исследования, в том числе в 17 статьях в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ. Общий объем публикаций составляет 50,3 п.л.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, четырех Глав, Заключения, Списка использованной научной литературы, Списка использованных словарей, Списка источников фактического материала.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается общая характеристика проблемы исследования, определяются актуальность, цель и задачи исследования, его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, научная достоверность исследования, степень научной разработанности проблемы, материал и методы исследования, описывается структура работы, приводятся положения, выносимые на защиту.

В **первой Главе** «Конститутивные признаки перформативности» рассматриваются различные подходы к изучению понятия перформативности, а также выявляются её конститутивные признаки на основе анализа психологических, философских и социологических концепций действий.

С момента введения Дж. Остином термина «перформативность» в научный обиход появилось множество его интерпретаций в разных научных дисциплинах, особенно в лингвистических и лингвофилософских направлениях. Существующие подходы к пониманию перформативности могут быть сведены к следующим:

1) перформативность речевого действия / текста / дискурса как его способность осуществлять действия, совершать поступки, создавать факты или новую языковую реальность, а не просто описывать или обозначать их (Дж. Остин, теория речевых актов; Ю. Хабермас, теория коммуникативного действия; Р. Барт, семиотика текста; А.А. Романов, Л.А. Романова, теория коммуникации; В.И. Карасик, В.И. Тюпа, теория дискурса; В.И. Теркулов, лингвокогнитология); 2) перформативность как один из конструктивных признаков культуры, как акциональный процесс исполнения, посредством

которого ситуативно и неповторимо осуществляется культурное событие (И.В. Четыркина, теория социальной коммуникации); 3) перформативность как вариант саморепрезентации языковой личности отправителя (Ю. Хабермас, теория коммуникативного действия; Ю.Б. Грязнова, теория текста); 4) перформативность как декларация, декларативность, риторика (Дж. Батлер, теория субъективной перформативности).

Основания для изучения феномена дискурсивной перформативности в силу его деятельностного характера находятся в психологических теориях действий.

Лингвистически релевантными представляются следующие тезисы, выделяемые в рамках психологических концепций действий (В.П. Зинченко, Т.В. Корнилова, А.А. Леонтьев, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, А.В. Петровский, С.Л. Рубинштейн, Д.Н. Узнадзе):

- структура деятельности представлена триадой «операция – действие – поступок»;
- операции соотносимы с целями, данными в определенных условиях, т.е. с задачами: на речевом уровне операциями являются различного рода клишированные высказывания от бытовых повседневных фраз («*Будь здоров!*» / «*Bless you!*», «*Всего доброго*» / «*Take care*») до профессионально- и статусно-маркированных («*Возбуждено уголовное дело по статье...*», «*Тема сегодняшнего урока - ...*», «*Honorable Chief Justice, may it please the Court...*» / «*Уважаемый председатель Верховного суда, достопочтенный суд...*», «*Я вам приказываю*»);
 - в зависимости от изменяющихся условий операции могут варьироваться: варьированием речевых операций в зависимости от изменяющихся условий протекания деятельности можно считать разные способы приветствия, прощания, выражения благодарности, поздравления, пожелания, соболезнования и других выражений речевого этикета, языковое наполнение которых предопределяется, прежде всего, регистровыми характеристиками общения (официальность / неофициальность);
 - операции формируются путем подражания и автоматизации действий;
 - операции могут включаться в другие действия; например, приказ в повседневном общении, будучи речевой операцией и включаясь в речевое действие «просьба», интенсифицирует последнее:
 - *Бабушка! Я не буду просить у него прощения ни за что... – сказал я, вдруг останавливаясь, чувствуя, что не в состоянии буду удержать слез, давивших меня, ежели скажу еще одно слово.*
 - *Я приказываю тебе, я прошу тебя. Что же ты?* (Л.Н. Толстой).
 - операцией может стать действие при изменении его цели: речевыми операциями становятся действия, генетически восходящие к коммуникативным поступкам / проступкам (молитва, комплимент, признание в любви, оскорбление, проклятие и т.п.), если они характеризуются итеративностью (регулярной повторяемостью), что, как правило, снижает степень их осознанности, а значит, ведет к изменению цели;

- действия характеризуются целенаправленностью и осознанностью; речевой проекцией целенаправленного и осознанного действия, описанного в психологической концепции, является иллокутивный акт;

- включение действия в более широкий контекст придает ему большую внутреннюю содержательность; дискурсивной иллюстрацией данного тезиса служат примеры с переакцентуированными (измененными) коммуникативными намерениями адресанта:

Узнав, что в Херсоне есть чиновник, умеющий хорошо передразнивать известных лиц, князь немедленно выписал его к себе и приказал показать искусство, передразнить и его, князя, а затем отпустил (<http://search.ruscorpora.ru>).

Такое отношение высказывалось в то время во всем: барские не упустили случая посмеяться над однодворцами и передразнить их говор: кого и чаго вместо «ково» и «чево», шо вместо «што» <...> (<http://search.ruscorpora.ru>).

Из первого примера следует, что передразнивание может быть формой развлечения; в таком случае оно сохраняет репрезентативную иллокуцию и относится к классу миметивов. Во втором примере показано, как субъектно-репрезентативная иллокуция передразнивания переходит в перформативную: передразнивание здесь становится средством самоидентификации, позиционирования барскими слугами себя как людей, занимающих более высокое иерархическое положение по сравнению с однодворцами.

- для оценки успешности действия используются процессуально-целевые критерии (выполнение в соответствии с установленным алгоритмом, достижение поставленной цели);

- поступки выявляют и формируют личность человека; в языке значимость личностного проявления в поступке отражается в номинациях субъектов коммуникативных поступков: как правило, фреймы коммуникативных концептов – ментальных образований, в основе дискурсивной реализации которых лежит коммуникативное речевое действие или речевой жанр, - включают множественные обозначения субъектов коммуникативных поступков; однако поступки не всегда служат однозначными индикаторами личности (например, ложь, в том числе «ложь во спасение», может стать случайным речевым поступком человека, который привык всегда говорить только правду);

- основой для оценки поступка служит морально-этическая сфера;

- поступок является единицей поведения, т.е. деятельности, детерминированной общественными нормами нравственности и права;

- поступок соотносится с мотивом-целью, или установкой; как правило, мотивационную основу поступка составляют две или более установки, находящиеся друг с другом в отношениях иерархии, сотрудничества либо антагонизма, например: иерархическая система установок свойственна речевому поступку «раскаяние», где главной является установка на получение прощения со стороны Бога как отпущения совершенных грехов, сопутствующими установками – избавление от угрызений совести, получение прощения со стороны близких людей и т.п.; примером речевого поступка с

системой сотрудничающих установок является обвинение: оно направлено на приписывание адресату какой-нибудь вины и на его осуждение; антагонистичная система установок характерна для речевых поступков, реализуемых в рамках агрессивного дискурса: с одной стороны, они нацелены на нанесение морального ущерба адресату, с другой стороны – на получение субъектом психологической разрядки; та же система установок свойственна речевым поступкам, реализуемым в рамках неискреннего / ложного / манипулятивного дискурса: они направлены на извлечение субъектом собственной выгоды из коммуникации, но в то же время субъект стремится установить или сохранить лояльное к себе отношение со стороны адресата;

- категория поступка тесно связана с такими понятиями, как «воля», «выбор» и «ответственность»; в зависимости от ситуации, личностных качеств субъекта, его темперамента, жизненных установок и т.п. одни и те же речевые действия могут приобретать качество волевого акта – поступка, либо сохранять признаки действия / операции.

Философские деятельностные концепции (М.М. Бахтин, Н.А. Бердяев, В.В. Давыдов, К. Маркс, Ф. Энгельс) дополняют значимые для настоящего исследования характеристики действия и поступка следующим образом:

- понятие свободы воли обуславливает целесообразность дополнения ранее выделенного признака перформативности – наличия выбора – характеристикой «свободный выбор»;

- показателем свободы выбора при совершении речевого поступка является искренность;

- волевое действие, совершенное по принуждению, не является поступком;

- показателем свободы выбора в речевых поступках, предполагающих неискренность, является намеренное выражение ложной пропозиции; такие поступки относятся нами к разряду квази-поступков, находящихся на стыке между поступком и проступком.

- «нулевой» поступок – это такое речевое действие, несовершение которого представляется одной из альтернатив свободного выбора (коммуникативно значимое бездействие); при этом отказ коммуниканта от совершения того или иного речевого поступка свидетельствует об определенных характеристиках его поведения в целом;

- свобода выбора обуславливает проявление лингвокреативности;

- речевые поступки характеризуются признаками событийности (по Н.Д. Арутюновой, 1988): статичность / динамичность, градуированность / неградуированность, кульминативность / некульминативность, гомогенность / гетерогенность, счетность / несчетность, результативность / нерезультативность.

Нельзя охарактеризовать тот или иной поступок как абсолютно статичный, гомогенный, нерезультативный и т.д., можно говорить лишь о преобладании определенного признака. Например, признак статичности (отсутствия развития) преобладает в поступках, дискурсивными способами выражения которых являются формализованные институциональные жанры

(вынесение судебного приговора, заявление, научная диссертация, техническая инструкция, деловое письмо, медицинское заключение и т.п.). Напротив, динамичность характеризует неформализованные жанры как институционального, так и персонального дискурса. Динамичность речевого поступка мыслится как возможность выделения в его структуре стадий развития действия, включая кульминацию. С этой точки зрения динамичными могут быть ссора, спор, флирт, разговор по душам, речи адвоката и обвинителя в судебном процессе и т.п. Градуированность / неградуированность речевого поступка понимается как разная степень выраженности определенного его признака. С точки зрения градуированности / неградуированности оцениваются искренность («самое искреннее раскаяние», «фальшивый комплимент»), актуальность («своевременная похвала», «важный совет»), эмоциональная насыщенность («глубокое раскаяние»), адекватность реализуемым ценностям («нелепейшее обвинение», «наиболее справедливый приговор») и др. Гомогенность речевого поступка заключается в однородности его структуры, т.е. во включении в его структуру речевых действий со схожей иллокуцией; соответственно, гетерогенный речевой поступок состоит из речевых действий с разной иллокуцией. Например, гомогенное обвинение, помимо непосредственного акта обвинения, может включать упрек и осуждение; в структуру гетерогенного обвинения входят оскорбление, проклятие, научение и т.п. Кульминативность / некульминативность речевого поступка выявляется в макроконтексте относительно других речевых действий. Так, вердикт судьи представляется кульминацией судебного процесса, исповедь может стать кульминацией в контексте душевных страданий субъекта, раскаяние преступника – в контексте расследования уголовного дела, публичное оскорбление звучит кульминативно в контексте выяснения отношений и т.д. Счетность / несчетность речевого поступка соотносится с его итеративностью. Мы полагаем, что речевой поступок должен характеризоваться счетностью, так как несчетность ведет к трансформации поступка в собственно действие или, далее, в операцию. Критерий «результативность / нерезультативность» обязателен для характеристики речевого поступка.

○ к речевому поступку приложимы событиеобразующие принципы: структурность, имманентность, каузальная независимость; принцип структурности относительно речевого поступка состоит в наличии определенного обязательного набора речевых актов в его структуре (для ссоры обязательны взаимные упреки, для пари – акты принятия обязательства (комиссивы), для шантажа – угрозы и т.д.); имманентность речевого поступка заключается в его неотъемлемой связи с поступками того же порядка либо ассоциированными с ним (например, раскаяние связано с грехом, прощением / просьбой о прощении, а в патриархальной традиции еще и со смирением и страданием); каузальная независимость речевого поступка предопределяет его индивидуальность и новизну;

● результат действия / поступка состоит в преобразовании действительности посредством ее теоретического либо практического освоения; примером теоретического освоения действительности посредством

речевых действий можно считать выражение субъектом собственной точки зрения или передачу чужой точки зрения в нарративных и интерпретативных высказываниях, а также различного рода дескрипции; практическое преобразование действительности посредством речевых действий состоит в коммуникативной фактуализации явлений, иными словами, в конституировании фактов – высказываний, соответствующих уровням действия и поступка.

Обращение к социологическим концепциям действий обусловлено социальным характером речевой деятельности. Концепции действий в социологии (М. Вебер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Дж. Тернер) расширяют и уточняют понятие перформативности следующим образом:

- речевой поступок следует понимать как акт социального поведения;
- осмысленность действия тесным образом связана с его ценностной нагруженностью;
 - механизм осмысления поступка и ориентирования его на других людей раскрывается посредством понятия социальной рефлексии (по Е.М. Ковшову, 1999), представляющей, по сути, рефлексии ценностей; в плане языковой экспликации социальной рефлексии наиболее иллюстративной является социальная реклама, поскольку она, как правило, представляет собой не просто набор остиновских перформативных высказываний, а продуцирует перформативный дискурс, в котором не только актуализируются коммуникативные интенции адресанта, но и происходит апелляция к ценностям адресата; так, в надписи на стаканчике из Макдональдса: *«Вместе мы сделаем мир чище. Поддержите нас в борьбе за чистоту окружающей среды! Это несложно – просто выбросьте ваш мусор в контейнер»* (КЗУПР) – актуализируются такие ценности, как общечеловеческая солидарность («вместе», «мы», «поддержите») и охрана окружающей среды;
 - социальные нормы, в которых реализуются ценности, не только обуславливают совершение поступка, но и учитываются при его оценке;
 - встраивание ценности в систему «субъект речевого поступка – ситуация» происходит посредством установки: речевой поступок направлен на реализацию субъектом ситуативно обусловленного выбора ценностей / антиценностей;
- концепция социальных фактов (по Э. Дюркгейму, 1999) обосновывает введение в настоящей работе термина «фактогенная перформативность»;
- результатом речевого поступка является формирование объективной и/или субъективной социальной реальности; например, результатом раскаяния как перформативного жанра может стать формирование как объективной, так и субъективной социальной реальности: формированием новой объективной социальной реальности можно считать случаи смягчения наказания преступнику или правонарушителю при условии его (деятельного) раскаяния в соответствии с законом, формированием новой субъективной социальной реальности – это случаи, когда раскаяние ведет к переоценке ценностей и жизненных принципов.

Проанализированные концепции действий позволяют выделить такие конститутивные признаки дискурсивной перформативности, как: а) ситуация лично обусловленного волевого принятия решений, б) осуществление свободного выбора, в) ответственность за совершенное действие, г) преобразующий характер деятельности, д) ценностная детерминация действия.

Во **второй Главе** «Когнитивно-дискурсивные характеристики перформативности» выстраивается лингвокогнитивная трехкомпонентная модель действия (операция – действие – поступок), выявляются способы манифестации перформативности в дискурсе, а также изучаются перформативные характеристики языковой личности.

Лингвокогнитивная трехкомпонентная модель действия (операция – действие – поступок) выступает системообразующим конструктом перформативности. Концептуализация действий в языке происходит по линиям «упорядочивание», «обработка» и «добывание» (по Ю.С. Степанову, 2001): операции соотносятся с концептом упорядочивающих действий и обозначаются лексемами с семантическим признаком «быть в активном состоянии» (*деятельность, жизнедеятельность, мероприятие, операция, поведение, процедура, процесс, работа, функционирование; activity, behavior, operation, process, proceeding, procedure, reaction, work*); собственно действия соотносятся с концептом обрабатывающих и добывающих действий и объективируются посредством лексем с семантическим признаком «оказывать воздействие» (*влияние, воздействие, впечатление, действие, произведение, событие, эффект, явление; effect, effectiveness, efficacy, influence*); поступок соотносится с концептом добывающих действий и обозначается лексемами с семантическим признаком «достигать результата» (*акт, акция, выходка, дело, действие, деяние, манипуляция, махинация, подвиг, поступок, производство* и др.; *act, deed, feat, exploit, accomplishment, achievement, execution, performance* и др.).

Лингвокогнитивная модель операции является упрощенным вариантом лингвокогнитивной модели действия и сводится к следующим компонентам: 1) совершение акта какой-либо деятельности, 2) субъект деятельности - индивид, 3) включенность в состав более сложного действия, 4) автоматизированность, 5) повторяемость в типичной ситуации.

Лингвокогнитивная модель действия выглядит следующим образом: 1) совершение акта какой-либо деятельности: концептуальная система действий может быть обобщена в языке в одной номинации (рус. «*действие, действовать*», англ. – «*action, act*»); 2) субъект действия – индивид: субъект действия концептуализируется в языке как одушевленный либо неодушевленный объект, проявляющий внешнюю активность, направленную на других субъектов / связанную с действиями других субъектов (в случае добывающих действий субъект несет ответственность за то или иное проявление своей активности); поскольку в настоящей работе рассматриваются речевые действия, субъектом действия в полученном фрейме является индивид; 3) мотив действия – реализация какой-либо потребности: концептуализация мотива в языке происходит по признаку «движение», причем в нем отражена

связь мотива действия и потребности в нем; 4) цель действия - достижение определенного результата: цель действия концептуализируется в языке по признакам, характеризующим движение, например: «движение вверх», «стремление к чему-то полному», «стремление к чему-то реальному», «стремление к приданию формы», «приведение в движение»; 5) формальные характеристики действия – осознанное / неосознанное; 6) онтологические характеристики – рациональное / нерациональное, истинное / ложное: диада «рациональное / нерациональное» описывает действия с точки зрения их целесообразности, диада «истинное / ложное» характеризует их с точки зрения подлинности; 7) оценочные характеристики действия – успешное / неуспешное: действия оцениваются как успешные / неуспешные с точки зрения осуществления либо неосуществления цели; 8) результат – практическое либо теоретическое освоение действительности: собственно освоение действительности есть результат обрабатывающих и добывающих действий («обработка» объекта и «добывание» продукта – материального либо идеального), в то время как упорядочивающие действия, являясь средством взаимодействия с окружающей действительностью, не обязательно нацелены на результат.

Лингвокогнитивная модель поступка включает следующие компоненты: 1) совершение акта социального поведения: в русском и английском языках поступок концептуализируется как серьезное достижение человека, требующее от него особых моральных или физических качеств; 2) субъект поступка – личность: в русском языке данный слот фрейма концептуализируется как «человек, проявляющий смелость / самоотверженность» (*герой, смельчак, храбрец; подвижник, альтруист, рыцарь* и др.), для английского «героя» чрезвычайно важно всеобщее признание его героических качеств, так как наряду с семами «смелость», «благородство», «достижение» лексема «hero» включает семантический признак «восхищение»; 3) установка – реализация определенной ценности / антиценности: в поступке могут реализовываться общечеловеческие и социальные ценности (доброта, нравственность, героизм, самоотверженность, благоразумие и др.) и антиценности (безнравственность, бесчестность, хитрость, предательство, лицемерие, зло и др.); 4) формальная характеристика поступка – осознанное, осмысленное и волевое действие; 5) оценочная характеристика поступка – положительное / отрицательное действие: в русском языке превалирует число прилагательных, в сочетании с которыми слово «поступок» приобретает отрицательное оценочное значение; в английском языке преобладает количество словосочетаний, в которых слова «deed», «exploit» и «feat» имеют положительное оценочное значение; 6) онтологические признаки поступка - событийность, структурность, имманентность, каузальная независимость: структурность поступка отражается в словосочетаниях, передающих семантику повтора его содержания («повторить подвиг»), имманентность поступка отражается в языке при раскрытии логической обусловленности, закономерности поступка («закономерный поступок»), каузальная независимость поступка выявляется в словосочетаниях, раскрывающих его новизну («поступок, несовместимый с

нормами поведения»); 7) ситуация – ответственный выбор между двумя (или более) мотивами: в языке данный аспект отражен в таких словосочетаниях, как «*отвечать за поступок*», «*нести ответственность за поступок*» и т.п.; 8) результат – формирование новой социальной реальности (отражается в языке при описании последствий поступка).

Перформативность манифестируется в дискурсе определенным образом. Операции соответствуют следующим дискурсивным единицам: 1) эмотивным речевым действиям, выполняющим функцию идентификатора той или иной эмоции и связанную с ней функцию индикатора эмоционального состояния говорящего (эмотивные действия, выражающие интеллектуальную эмоциональность (по В.И. Шаховскому, 2008), не входят в данную группу); 2) этикетным высказываниям; 3) клишированным десемантизированным перформативам, этимологически восходящим к ритуальным действиям («*Клянусь, что это правда!*», «*Держу пари, это так*»); 4) клишированным недесемантизированным перформативам, посредством которых говорящий реализует полномочные функции как часть ритуала («*Всем встать, суд идет!*» (реплика секретаря в суде), «*Собрание объявляется открытым*», «*Просьба соблюдать регламент*», «*Прошу тишины*», «*Обвиняемый, вам есть что сказать?*» (обращение судьи) и т.п.).

Собственно действиям на речевом уровне соответствуют такие дискурсивные единицы, как: 1) перформативные действия с эксплицитно выраженной перформативностью, кроме этикетных и клишированных перформативов, имеющих свойство операционных действий («*Я советую...*», «*Я запрещаю...*», «*Я отказываюсь...*» и т.п.); 2) перформативные действия с имплицитно выраженной перформативностью (высказывание «*Вам необходимо это сделать*» можно трансформировать до эксплицитного перформатива «*Я настоятельно советую / рекомендую / приказываю это сделать*»); 3) транспонированные перформативные действия (высказывание типа «*Вы еще услышите обо мне, обещаю!*» совмещает в себе иллокуции обещания и угрозы).

Коммуникативный поступок реализуется как дискурс в ситуации лично обусловленного волевого принятия решений и осуществления свободного ответственного выбора, актуализирующий смысл реального общения посредством одного или нескольких ценностно-нагруженных коммуникативных действий. Если речевые операции и действия могут быть выделены на основе формально-функционального критерия, то для выделения речевого поступка применим функционально-семантический критерий: наличие ценностно-нагруженных коммуникативных действий как необходимого условия осуществления коммуникативного поступка позволяет говорить о присущей ему аксиологической модальности, которая и является его маркером. Мы выделяем две основополагающие аксиологические модальности, маркирующие коммуникативный поступок: модальности одобрения и неодобрения. В поступках, характеризующихся модальностью одобрения, субъект выступает либо генератором положительных оценочных пресуппозиций, либо медиатором уже имеющихся пресуппозиций. Аналогичные роли, только в отношении отрицательных оценочных

пресуппозиций, исполняются субъектом поступков, маркированных модальностью неодобрения. Аксиологическая модальность в коммуникативных поступках может сочетаться с деонтическими модальностями (долженствования, запрета, желания, просьбы, предостережения, угрозы, совета, разрешения). Так, модальность совета прямо или имплицитно сочетается с обеими аксиологическими модальностями – одобрения и неодобрения: одобрительную оценку получает предмет совета, неодобрительную – сама ситуация, явившаяся «катализатором» совета. Рассмотрим пример:

- Иван Денисыч! Молиться не о том надо, чтобы посылку прислали или чтоб лишняя порция баланды. Что высоко у людей, то мерзость перед Богом! Молиться надо о духовном: чтоб Господь с нашего сердца накипь злую снимал... (А. Солженицын).

Сосед Ивана Денисовича по камере – баптист Алешка – советует молиться о духовном благе, чтобы молитва достигла своего адресата. Модальность неодобрения эксплицирована посредством антитезы «*Что высоко у людей, то мерзость перед Богом!*» и метафоры «*снимать злую накипь с сердца*». Модальность одобрения не эксплицирована, но по контексту понятно, что положительно здесь оценивается ситуация, противоположная той, которая оценивается Алешкой со знаком «-».

На основе триады «операция – действие – поступок» можно выделить соответственно три типа перформативной языковой личности: инстинктивная языковая личность, рефлексивная языковая личность, интуитивная языковая личность.

Инстинктивная языковая личность оперирует эмоциями, этикетными действиями и клишированными перформативами, сопровождающими «рутинные» ритуалы, на уровне автоматизмов, что обусловлено их типизированным употреблением и, следовательно, усилением «врастания» жанровых норм данных единиц в сознание.

Речевая деятельность рефлексивной языковой личности выстраивается осознанно, на основе идеального образа самой деятельности. Рефлексивная языковая личность характеризуется довольно высоким уровнем коммуникативной, или жанровой, компетенции. Рефлексия языковой личности проявляется как в выборе адекватных ее коммуникативным интенциям средств, так и в выборе адресата, способного правильно интерпретировать эти интенции.

Интуитивная языковая личность – это та, которая на речевом уровне осуществляет волевою актуализацию ценностей посредством коммуникативного поступка, т.е. перформативного дискурса. Интуитивной языковой личности присуща аксиологическая интуиция (Машенцев, 2003), позволяющая говорящему выстраивать речевую деятельность относительно сознательно выбранных ценностей.

Рассмотрим проявления перформативных типов языковой личности в аналогичных ситуациях общения:

Закончив, он хотел на канате спуститься на землю, но старшина крикнул: — Не смей, запрещаю! Юноша послушно спустился по краю стены (<http://search.ruscorpora.ru>).

В представленном примере старшина проявляет себя как инстинктивная языковая личность, поскольку запрет здесь теряет статусную маркированность, присущую ему как речевому жанру, а служит средством выражения достаточно сильной эмоции – испуга.

- В качестве кого ты можешь нам что-нибудь запретить?

- Запрещаю и все, — прорычала Марья. — Петров мой, и вам к нему нечего соваться! (<http://search.ruscorpora.ru>).

В данном примере субъект запрета выступает как рефлексивная языковая личность, выбирая адекватное своему коммуникативному намерению, статусу и ситуации средство. Полагаем, что главным отличительным признаком рефлексивной языковой личности является действие «по ситуации» / «здесь и сейчас», обусловленное стереотипностью мышления.

Вы не смеете так разговаривать с моей дочерью! Я вам запрещаю это! – вмешался Илья (<http://search.ruscorpora.ru>).

В рассмотренном примере субъектом запрета является интуитивная языковая личность, отличающаяся нестереотипным действием «наперекор ситуации». Как правило, интуитивная языковая личность просчитывает свои коммуникативные шаги наперед, руководствуясь не стереотипами, а ценностными установками (в данном случае запрет продиктован стремлением субъекта реализовать ценность семейных уз). Интуитивную языковую личность, таким образом, можно охарактеризовать, используя выражения «слов на ветер не бросает» и «отвечает за свои слова».

Третья Глава «Фактогенная перформативность как тип дискурсивной перформативности в широком понимании» посвящена анализу шестого конститутивного признака перформативности - фактогенности.

Фактогенность является прагматической основой перформативности в широком смысле. Фактогенность дискурса понимается как его способность конституировать факты. В зависимости от вида конститулируемого факта выделяются два типа дискурсивной перформативности: актуализация смысла реального общения (т.е. конституирование факта как фокусировки на актуальных моментах действительности) осуществляется посредством коммуникативных целерациональных действий, или перформативных действий – фактуальная перформативность; затрагивание ценностной картины мира людей (т.е. конституирование факта как культурного явления) осуществляется посредством коммуникативного поступка, или перформативного дискурса – фактуально-событийная перформативность.

Фактогенность определяется видом дискурса, выделенного с позиции социолингвистики: в институциональном дискурсе она выше, нежели в персональном, благодаря таким характеристикам институционального дискурса, как статусная маркированность, конвенциональность, протокольность, преимущественно прямой способ актуализации намерений коммуникантов. В свою очередь, неодинаковая степень выраженности данных

характеристик в разных институциональных видах дискурса обуславливает специфику актуализации в них фактогенной перформативности.

Самым фактогенным представляется юридический дискурс, в котором фактогенная перформативность выражается в фактуализации явлений, представляющих собой юридические акты. Фактуальная перформативность актуализируется в различных юридических актах (заключение и расторжение сделки, взыскание штрафа, свидетельство о заключении / расторжении брака и т.п.), соответствующих уровню перформативных действий (операций), выраженных клишированными недесемантизированными перформативами, позволяющими адресанту реализовать полномочные функции как часть ритуала, либо перформативными действиями с эксплицитно выраженной перформативностью: *The Cohabitants wish to establish their respective rights and responsibilities regarding each other's income and property and the income and property that may be acquired, either separately or together, during the period of cohabitation.* – *Супруги желают установить свои права и обязанности относительно дохода и собственности друг друга, а также доходов и собственности, которые могут быть нажиты, совместно либо раздельно, в период совместного проживания* (from «Cohabitation Agreement» / Из «Брачного соглашения»). Некоторые реплики судьи во время судебного заседания (согласие, несогласие, отказ, просьба, совет, вердикт), которые соответствуют уровню действий (операций), также являются примером актуализации фактуальной перформативности: *The judgment of the Court of Appeal <...> is therefore reversed.* – *Решение апелляционного суда <...> таким образом отменено* («The First Amendment»); «*We find the defendant guilty of murder in the first degree*» – «*Мы признаем подсудимого виновным в убийстве с заранее обдуманном намерением*» (Т. Dreiser). В первом примере посредством речевого действия отказа фактуализируется отклонение решения апелляционного суда председателем Верховного суда, во втором примере коммуникативным фактом становится вердикт судьи.

Фактуально-событийная перформативность актуализируется в таких жанрах юридического дискурса, как адвокатская (защитительная) речь, обвинительная речь прокурора и речь судьи. Во всех этих жанрах происходит апелляция к разным ценностям, поэтому они приобретают свойство факта как культурного события.

Главная ценность, к которой апеллирует адвокат, является справедливость. Тактика апелляции к принципу справедливости в защитительной речи может реализовываться как предложение адвоката, заключающееся в том, чтобы присяжные представили себя на месте его подзащитного или попробовали предложить другое решение проблемы и убедились, что такового не может быть. Именно с таким предложением к присяжным обращается адвокат Белнеп в следующем отрывке из романа Т. Драйзера «Американская трагедия»:

Yet, will you slay a man because he is the victim of fear? And again, after all, if a man has once and truly decided that he cannot and will not endure a given woman, or a woman a man - that to live with her could only prove torturous - what

would you have that person do? Marry her? To what end? That they may hate and despise and torture each other forever after? Can you truly say that you agree with that as a rule, or a method, or a law? - Но не приговорите же вы человека к смерти за то, что он оказался жертвой страха? Ведь в конце концов, если мужчина твердо решил, что ему невыносима близость данной женщины (или женщине – близость данного мужчины) и их совместная жизнь будет просто пыткой, - скажите, что должен делать этот человек? Жениться на ней? Зачем? Чтобы им вечно ненавидеть, презирать и мучить друг друга? Можете ли вы искренне сказать, что признаете это разумным образом действий, правилом или законом? (Т. Dreiser).

Сначала адвокат апеллирует к чувствам присяжных, выставляя своего подзащитного жертвой собственных страхов и пытаюсь таким образом вызвать жалость к нему («*Yet, will you slay a man because he is the victim of fear?*»). Далее следует серия вопросов к присяжным: адвокат спрашивает присяжных, к чему бы они склонили Клайда, и одновременно пытается оправдать своего подзащитного, говоря о женитьбе как абсолютно неверном и несправедливом по отношению к обеим сторонам (Клайду и Роберте) решении.

Ценность справедливости, но уже в ее преломлении относительно наказания, является также главной доминантой речи обвинителя, сочетаясь с ценностной доминантой юридического дискурса, - объективностью:

Вот почему это дело представляет такую исключительную важность. Мы, стороны, обязаны в процессе быть наиболее осторожными, мы обязаны быть наиболее объективными, мы не должны забывать того, что наша роль есть роль помощников ваших, помощников судей, которые в этом деле держат в своих руках судьбу 42 человеческих жизней. С этой точки зрения подходя к своей задаче, я должен сказать, что первое требование, которое я сам, как государственный обвинитель, ставлю себе, — это полное спокойствие, полная объективность, беспристрастность, но не бесстрастность. Я должен заранее сказать, я должен заранее перед вами, товарищи судьи, повиниться, — бесстрастным в этом деле быть нельзя, невозможно (А.Я. Вышинский).

В данном отрывке обвинитель несколько раз прибегает к синонимическому и морфологическому повтору слов с семантическим признаком «объективность»: «*объективный*», «*объективность*», «*беспристрастность*», «*бесстрастность*», «*бесстрастный*». Этим подчеркивается особая ценностная значимость объективности для обвинителя. Более того, ценность объективности возводится в ранг обязанности всех, кто имеет отношение к отправлению правосудия, посредством употребления модальных слов со значением долженствования («*мы обязаны*», «*мы не должны*») и их повтора.

Актуализация фактуально-событийной перформативности в дискурсе судьи происходит посредством гипержанра «вердикт». Одной из главных ценностей, к которым апеллирует судья в своей речи, является следование закону. Рассмотрим пример из дела округа Аллегейни, Пенсильвания, и

иудейской группы Chabad против Американского союза защиты гражданских свобод (ACLU) об экспозиции религиозных атрибутов в общественных местах:

The majority holds that the County of Allegheny violated the Establishment Clause by displaying a crèche in the county courthouse, because the “principal or primary effect” of the display is to advance religion within the meaning of Lemon v. Kurtzman, 403 U.S. 602, 612-613 (1971). This view of the Establishment Clause reflects an unjustified hostility toward religion, a hostility inconsistent with our history or our precedents, and I dissent from this holding. The crèche display is constitutional, and, for the same reason, the display of menorah by the city of Pittsburgh is permissible as well... – Большинство считает, что округ Аллегейни нарушил пункт Первой поправки, выставляя ясли Христа в здании окружного суда, поскольку «принцип первичного эффекта» экспозиции, если вспомнить дело Лэмона против Курцмана, заключается в продвижении религии. Такой взгляд на поправку есть выражение несправедливой враждебности в отношении религии, враждебности, несовместимой с нашей историей и нашими предшественниками, и я не поддерживаю мнение большинства. Экспозиция яслей законна, а значит, по той же причине, экспозиция меноры в Питтсбурге также допустима («The First Amendment»).

Судья опровергает точку зрения ответчика (ACLU), уверяющего, что общественная экспозиция яслей Христа и ханукальной меноры нарушает Конституцию США. Посредством прямо выраженного несогласия («*dissent*») судья осуществляет содействие в соблюдении закона. Прилагательные «*constitutional*» / «конституционный» и «*permissible*» / «допустимый» являются средством апелляции судьи к ценности соблюдения закона. Чтобы сделать высказывание более убедительным, судья апеллирует к социальной антиценности – враждебному отношению к религии. Ценность дискурса – соблюдение закона – коррелирует в данном примере с социальной ценностью – религиозной толерантностью.

Фактогенность в рекламном дискурсе выражается в фактуализации явлений, представляющих собой акты продвижения рекламного продукта на рынке. Свойством факта как актуального момента действительности обладают рекламные объявления, соответствующие информационным сообщениям: «10% на все и сразу! До 4 февраля вернем 10% от покупки в магазинах Эльдorado бонусами на карту сразу! Детали на www.eldorado.ru» (реклама магазина «Эльдorado»).

Фактуально-событийная перформативность актуализируется в рекламных слоганах, продвигающих какую-либо продукцию или услуги, поскольку в них происходит апелляция к определенным социальным ценностям, хотя это может быть поставлено под сомнение в силу антиномии рекламного дискурса, состоящей в несоответствии между истинными и провозглашаемыми ценностями. Данная актуализация осуществляется посредством двух типов речевых действий: 1) декларативов: «*You're in good hands with Allstate*» / «*Вы в хороших руках с “Allstate”*» (слоган американской страховой компании, 1956 г.); 2) императивов: «*Не стой с протянутой рукой, а закажи такси домой!*» (реклама такси).

Провозглашаемые социальные ценности – забота об уровне жизни человека, его социальном статусе и пр. - объективируются в рекламе посредством общеоценочных и частнооценочных (сенсорно-вкусовых, эстетических, психологических, этических, утилитарных, нормативных, телеологических) значений (по Н.Д. Арутюновой, 1988): «*Guinness is good for you*» / «*“Guinness” – это хорошо для Вас*» (пиво «Guinness», 1929) – общая оценка; «*Preparing to be a beautiful lady*» / «*Готовясь быть прекрасной леди*» (мыло «Pears Soap») – эстетическая оценка; «*Think different*» / «*Думайте по-другому*» (компьютерная техника «Apple Macintosh», 1998 г.) – психологическая (интеллектуальная) оценка; «*В гололед зимой и в стужу Всем диван хороший нужен, В сети КАЛИНКА просто рай – Со скидкой мебель выбирай!*» (реклама мебельного магазина) – утилитарная оценка; «*Grace... space... race*» / «*Грация... пространство... скорость*» (автомобиль «Jaguar», 1950-е гг.) – комплексная (эстетическая и утилитарная) оценка и т.п.

Абсолютная фактуально-событийная перформативность актуализируется в социальной рекламе, в частности, в оценочных общественных знаках: в отличие от коммерческой рекламы, социальная реклама не характеризуется антиномией «истинные ценности – провозглашаемые ценности». Напротив, в социальной рекламе провозглашаются истинные общечеловеческие ценности: здоровье, жизнь, безопасность, любовь, дети, патриотизм и т.п.

Основной оценкой, объективирующей те или иные общечеловеческие ценности, является психологическая, главным образом, эмоциональная оценка. Реализовать ее помогают разнообразные средства, например: 1) поликодовость: общественный знак с текстом «*Non smoking area*» / «*Зона для некурящих*» сопровождается фотографией кладбища; 2) создание тропеической образности: «*Курить в присутствии ребенка – еще большая пытка для него*» (текст социальной рекламы, направленной на борьбу с курением, содержащий метафору); «*It's just like watching them in the ocean, until you see one ram his head into a concrete wall*» / «*Это все равно, что наблюдать за ними в океане, а потом увидеть, как один со всей силой врывается головой в бетонную стену*» (социальная реклама в защиту дельфинов, содержащая образное сравнение); 3) создание нетропеической образности: «*Разный выбор – разные дороги*» (анафорический повтор в социальной рекламе, направленной в защиту окружающей среды); «*Сколько нужно времени, чтобы умереть? 3-5 лет от первого укола...*» (в данной социальной рекламе против употребления наркотиков вопросительное предложение сочетается с апозиопезисом, что делает высказывание особенно выразительным и эмоциональным); 4) графические средства, например, шрифтовые: «*EMPLOYMENT ABROAD sexslavery; HIGH SALARY payment – your life; PERFECT CONDITIONS no return*» / «*ТРУДОУСТРОЙСТВО ЗА ГРАНИЦЕЙ сексуальное рабство; ВЫСОКАЯ ЗАРПЛАТА плата – твоя жизнь; ОТЛИЧНЫЕ УСЛОВИЯ возврата нет*» (за счет контраста между основным текстом, написанным заглавными буквами, и подтекстом, написанным строчными буквами и являющимся, по сути, более важным, высказыванию придается ироническое звучание).

Фактогенная перформативность в политическом дискурсе выражается в фактуализации явлений, представляющих собой акты осуществления власти, а также борьбы за нее. Специфика актуализации фактогенности в политическом дискурсе обусловлена наличием в нем признаков других видов дискурса (юридического, дипломатического, рекламного, персонального) и его опосредованностью дискурсом СМИ. Фактуальная перформативность в политическом дискурсе актуализируется в жанрах, которые характеризуются жесткой формализацией и косвенной апелляцией к такой ценности, как приоритетность закона и права. Таковыми являются жанры, находящиеся на стыке политического и юридического видов дискурса (президентские указы, постановления правительства и парламента, ратификации и денонсации политических договоров, назначение на государственную должность и отстранение от нее). Фактуально-событийная перформативность актуализируется в сугубо политических жанрах апеллятивного характера (обращение президента к парламенту, выступление президента перед представителями государственных структур и политических организаций), в жанрах, находящихся на стыке политического дискурса с дипломатическим (меморандумы, декларации, политические договоры), рекламным (предвыборные речи, политические лозунги) и ритуальным (инаугурационная речь президента) видами дискурса, а также жанрах, опосредованных дискурсом масс-медиа (телевизионные дебаты политиков, интервью с политиками, «прямая линия», ток-шоу с участием политиков).

В персональном (бытовом и бытийном) дискурсе фактуальная перформативность актуализируется посредством различных перформативных действий, прямо либо имплицитно объективирующих тот или иной аспект действительности и таким образом наделяющих его качеством факта. Рассмотрим пример:

I was silent for a moment in order to give greater force to my next remark. I spoke as deliberately as I could.

'You are a most unmitigated cad.'

'Now that you've got that off your chest, let's go and have dinner.' –

Я выдержал минутное молчание, чтобы придать большую силу своей следующей реплике. Я говорил так взвешенно, как только мог.

- Вы самый отъявленный негодяй.

- Теперь, когда вы все высказали, давайте пойдём и пообедаем (W.S. Maughan).

В данном примере суждение первого коммуниканта представляет собой оскорбление адресата (первый факт). Адресат (Стрикленд) не отвечает на полученное оскорбление тем же образом, вместо этого он предлагает пойти пообедать. Соответственно, его реплика «*Now that you've got that off your chest, let's go and have dinner*» может расцениваться не только как приглашение пообедать, но одновременно и как согласие с пропозитивным содержанием реплики оппонента (второй и третий факты).

Бытовой дискурс отличает широкий спектр речевых действий, обладающих свойством факта как актуального момента действительности и

придающих ему рутинный характер. Актуализация фактуально-событийной перформативности в бытовом дискурсе в свою очередь обусловлена высокой степенью его фатичности, стремлением коммуникантов к установлению и регулированию межличностных отношений. Рассмотрим пример:

- Кто же знал, что такое обрушится на нас, – сказал старый Хабуг, – кто из парней нашей крови останется, кто погибнет – один Бог знает. – Пусть приезжает попрощаться с родным домом (Ф. Искандер).

На семейном совете обсуждается возможность возвращения некогда изгнанного из семьи сына, чтобы он мог попрощаться с родными перед уходом на фронт. Разрешение здесь выражено имплицитно посредством соответствующего речевого действия («*Пусть приезжает*»), осложненного апелляцией к семейной ценности («*попрощаться с родным домом*»), что свидетельствует об актуализации фактуально-событийной перформативности в высказывании.

Наименьшей степенью фактогенности обладает бытийный дискурс (поэтические, художественные и философские тексты). Дискурс поэта / писателя становится фактогенным при актуализации его коммуникативных намерений. Коммуникативные намерения автора художественного текста актуализируются в названии произведения, совпадающем с именем речевого действия / жанра: «Заклинание» А.С. Пушкина, «Молитва» и «Оправдание» М.Ю. Лермонтова и т.д. Как правило, произведения с такими названиями составляют небольшую часть в творчестве того или иного автора. Возможно, это обусловлено тем, что автор стремится создать произведение, допускающее неоднозначную его интерпретацию со стороны читателя, а фактуально-перформативные названия ограничивают такую возможность.

Фактогенность дискурса может усиливаться либо снижаться. Усиление фактогенной функции дискурса заключается в переходе фактуальной перформативности в фактуально-событийную, чему способствует ритуализация дискурса, т.е. его символическое переосмысление и приобретение свойств ритуала: сакральности, коллективности, ригидности, сюжетности (Байбурин, 1998). Например, результатом процесса ритуализации обещания становится клятва в таких дискурсивных вариантах, как обет молодоженов, обет безбрачия, монашеский обет, обет трезвости, военная присяга, клятва Гиппократова, Аннибалова клятва, президентская клятва в инаугурационной речи и т.д. Глубоко сакральным видом обещания представляется обет, в частности, обет трезвости: *«не пить спиртного и не употреблять ничего наркотического, не склонять к тому других, не принимать никакого участия в различного рода предосудительных играх и не произносить скверных слов»* (КЗУП). Принимается обет трезвости в присутствии священника и сопровождается произнесением молитвы перед Богом. Таким образом, обет – это не просто ритуализованное обещание, это - освященное обещание.

Снижение фактогенности дискурса наблюдается в случае его этикетизации: из-за «семантического выветривания» употребление этикетных формул в качестве стратегий вежливости не ведет к разворачиванию

перформативного дискурса, хотя грамматически / семантически они соответствуют остиновским перформативным действиям.

Помимо этикетизации снижению фактогенной функции дискурса способствует его карнавализация, т.е. «переворачивание» дискурсивных ценностей и иллюзий, облечение юмористического содержания в привычную (неюмористическую) форму.

Рассмотрим отрывок из юмористической памятки, размещенной в офисе туристического агентства:

ТУРИСТ! ПОМНИ!

Когда ты требуешь скидку, ты делаешь шаг к закрытию этого агентства.

1% - Все менеджеры офиса без чая и кофе. Туристы лишаются права на получение улыбок от менеджеров.

2% - Менеджеры агентства остаются без воды. Туристы лишаются права получения любых напитков, включая воду.

3% - Персонал офиса, включая членов их семей, остались без обеда. Туристы получают консультацию менеджера в формате «Да. Нет. Не знаю». Количество направлений ограничено: Турция. Египет. Крым. <...>

9% - Менеджер заходит в офис на 2 часа в день. Если он не заблудится, и вам повезет его перехватить, он с удовольствием расспросит вас о том, куда бы ему поехать.

10% - Никого нет. Офис закрыт. Менеджеры уволены. Вы можете снять это помещение под турагентство и пройти весь путь – сначала (КЗУПР).

Памятка является разновидностью инструкции, которая изначально перформативна, обладая фактогенностью. В сфере туристических услуг инструкция для туриста служит для обеспечения его безопасности и комфорта (непосредственно во время тура). В данном случае карнавализация состоит уже в самой ситуации: памятка (или инструкция) дается туристу до предоставления ему услуг. Таким образом, юмор лишает данную памятку фактогенности.

Четвертая Глава «Стратегическая перформативность как тип дискурсивной перформативности в узком понимании» посвящена изучению седьмого конститутивного признака перформативности – стратегичности. Стратегичность заключается в системе способов коммуникативного осуществления поступка.

Выделяются четыре перформативные стратегии: устанавливающая, подтверждающая, трансформирующая и оспаривающая. Каждая стратегия распадается на тактики в зависимости от векторной направленности коммуникации. Реализация перформативных стратегий обусловлена определенными социальными или коммуникативными нормами и ценностными доминантами лингвокультуры.

Устанавливающая стратегия действует в векторах «субъект – объект – субъект», «субъект – объект» и «субъект – объект – адресат» (где под объектом понимается текст), обслуживает как институциональную, так и персональную сферу общения, и направлена на статусное самоопределение и/или статусное

распределение (распределение социальных и коммуникативных ролей). Реализация устанавливающей стратегии в векторе «субъект – объект – субъект» в случае установления доминирующего статуса возможна благодаря норме состязательности в социальных отношениях и ценности победы в состязании сильнейшего участника. В случае выявления недоминирующего статуса субъекта реализация устанавливающей стратегии в данном векторе возможна благодаря норме проигрыша в честном состязании и таким ценностям, как умение проигрывать и чистосердечное признание вины. Ситуация выбора в обоих случаях обусловлена готовностью (желанием) / неготовностью (нежеланием) субъекта брать на себя ответственность за последствия статусного самоопределения. Устанавливающая стратегия в векторе «субъект – объект – субъект» реализуется посредством тактики субъектной идентификации в декларативных и экспрессивных высказываниях (самопровозглашение, самоустранение от власти, объявление об отставке, лозунг-объявление о своей победе / поражении, признание виновности, восклицание о своей победе / поражении, похвальба).

В векторе «субъект – объект» объект может действовать как ограничитель поведения субъекта в виде различных обязательств, которые субъект берет на себя и которые обязуется выполнить, либо иметь экспансивное действие. Реализация устанавливающей стратегии в первом случае возможна благодаря ценности выполнения обязательств. Ситуация выбора обусловлена готовностью (желанием) / неготовностью (нежеланием) субъекта брать на себя ответственность за выполнение взятых на себя обязательств. Устанавливающая стратегия в векторе «субъект – объект» с ограничительным действием объекта реализуется посредством лимитирующей тактики в комиссивных высказываниях (обещание, гарантия, клятва, пари, соглашение, договор). Экспансивное действие объекта заключается в наделении субъекта дополнительными полномочиями и правами и реализуется посредством экспансивной тактики, опираясь на ценность прав и свобод человека, гарантированных государством. В институциональном общении экспансивная тактика объективируется в виде декларации независимости или декларации прав, а в персональном общении – в заявлениях типа *«Я уже взрослый и у меня тоже есть права!»* (слова ребенка, обращенные к родителям).

Вектор «субъект – объект – адресат» при реализации устанавливающей стратегии является нисходящим. Ситуация выбора обусловлена способностью (желанием) / неспособностью (нежеланием) субъекта брать на себя ответственность за последствия тех действий, которые выполняет (или не выполняет) адресат в статусе, установленном субъектом. Эффективность устанавливающей стратегии в нисходящем векторе «субъект – адресат» достигается соблюдением норм иерархического взаимодействия, где один элемент доминирует над другим: начальник над подчиненным, старший над младшим, опытный над неопытным и т.п. Устанавливающая стратегия в нисходящем векторе «субъект – объект – адресат» реализуется посредством тактики адресатной идентификации, которая позволяет субъекту высказывания

осуществлять полномочные функции и/или реализовывать свой авторитет (назначение на должность, присуждение ученой степени, объявление победителей конкурса, вынесение судебного приговора, предъявление обвинения).

Подтверждающая стратегия реализуется в векторе «субъект – объект – адресат», который может быть нисходящим, восходящим либо прямым. В нисходящем векторе «субъект – объект – адресат» реализуется тактика доминирующего субъектного позиционирования. Субъект в данной векторной плоскости занимает более высокое по отношению к адресату социальное положение либо играет доминирующую коммуникативную роль. Ситуация выбора обусловлена способностью (желанием) / неспособностью (нежеланием) субъекта брать на себя ответственность за последствия тех действий, которые выполняет (или не выполняет) адресат в статусе, подтвержденном субъектом. Реализация директивной тактики возможна благодаря норме подчинения в иерархическом взаимодействии и ценности авторитета. Тактика доминирующего субъектного позиционирования объективируется в форме директивных высказываний: директивно-инъюктивных (приказы, требования), директивно-суггестивных (советы, предупреждения), директивно-инструктивных (предписания, инструкции), директивно-пермиссивных (разрешения), директивно-прохибитивных (запреты).

В восходящем векторе «субъект – объект – адресат» реализуется тактика недоминирующего субъектного позиционирования. Субъект в данной векторной плоскости занимает более низкое по отношению к адресату социальное положение либо играет недоминирующую коммуникативную роль. Ситуация выбора обусловлена готовностью (желанием) / неготовностью (нежеланием) субъекта способствовать тому, чтобы адресат взял на себя ответственность за последствия тех действий, которые выполняет субъект. Эффективность реализации тактики недоминирующего субъектного позиционирования достигается соблюдением нормы ответственности, которой наделяется адресат в силу своего более высокого статуса или доминирующей коммуникативной роли. Тактика недоминирующего субъектного позиционирования реализуется посредством апеллятивов – официальных / неофициальных обращений реквестивного характера (заявлений-запросов, заявлений-просьб, докладных записок, судебных исков, жалоб, претензий, молитвы).

В прямом (реже - в нисходящем / восходящем) векторе «субъект – объект – адресат» реализуются тактики дружественного позиционирования и конфронтационного позиционирования. Субъект и адресат в данном векторе могут иметь как равнозначный социальный / коммуникативный статус (прямой вектор), так и неравнозначный (нисходящий / восходящий вектор). Тактика дружественного позиционирования основана на нормах сотрудничества и «комфортного» общения как условиях достижения нужного результата в общем деле или поддержания стабильно хороших отношений между партнерами, друзьями, родственниками и т.п. Реализация тактики дружественного позиционирования также обусловлена ценностью таких понятий, как

взаимоуважение, взаимопомощь, взаимовыручка. Тактика конфронтационного позиционирования, напротив, основана на антинормах конфликтного взаимодействия и «некомфортного» общения как препятствий для достижения нужного результата в общем деле или поддержания стабильно хороших взаимоотношений. Тактика конфронтационного позиционирования оправдывается ценностью конфликта как неотъемлемой частью взаимоотношений или как испытания их на прочность.

Ситуация выбора в обоих случаях – сотрудничества и конфронтации – обусловлена готовностью / неготовностью адресанта, с одной стороны, пожертвовать собственными интересами ради общих, а с другой стороны – взять на себя ответственность за свои действия. Обе тактики реализуются посредством одних и тех же речевых действий, только с противоположным оценочным знаком, например: если тактика сотрудничества реализуется посредством сатисфактивов со знаком «+» (похвала, комплимент), то тактика конфронтации реализуется посредством сатисфактивов со знаком «-» (упрек, оскорбление). Среди других высказываний с противоположным оценочным знаком можно выделить следующие: экспозитивы со знаком «+» (разъяснение), экспозитивы со знаком «-» (угроза); вердиктивы со знаком «+» (выражение положительного отношения к адресату), вердиктивы со знаком «-» (выражение отрицательного отношения к адресату). Кроме этого, тактика дружественного позиционирования реализуется посредством регламентативов, или формул социального этикета (приветствие, прощание, извинение, благодарность, поздравление, соболезнование, принятие приглашения / отказ от приглашения). Намеренное опущение регламентативов может быть признаком конфронтационного настроения.

Трансформирующая стратегия реализуется в векторе «субъект – объект – адресат» и направлена на демонстрацию субъектом изменения в отношениях с адресатом (улучшения либо ухудшения). Как правило, данная стратегия обслуживает сферу персонального общения, но может использоваться и в институциональном общении, если его участники «переходят на личности». Ситуация выбора обусловлена готовностью / неготовностью субъекта взять на себя ответственность за любое изменение во взаимоотношениях с адресатом, вызванное действием субъекта.

Показателем улучшения отношений с адресатом является тактика мелиоративно-ориентированного позиционирования. Ее реализация обусловлена нормой прекращения конфликта для обеспечения благоприятного взаимодействия, а также ценностью бесконфликтного общения. Показателем ухудшения отношений с адресатом является тактика детериоративно-ориентированного позиционирования, реализация которой обусловлена антинормой провоцирования и развязывания конфликта для прекращения благоприятного взаимодействия, а также антиценностью конфликтного общения. Тактики мелиоративно- и детериоративно-ориентированного позиционирования объективируются в речи в виде тех же высказываний, которые объективируют тактики дружественного и конфронтационного позиционирования в подтверждающей стратегии (сатисфактивы, экспозитивы,

вердиктивы со знаком «+» или «-», регламентативы). Различия их состоят в ситуации использования: в случае сотрудничества / конфронтации они используются постоянно, что и позволяет охарактеризовать ситуацию как «мирную» либо конфликтную; мелиоративная и детериоративная тактики создают переходную ситуацию (от «мира к войне» и наоборот).

Оспаривающая стратегия реализуется в векторах «субъект – объект – адресат» и «субъект – объект – субъект». В векторе «субъект – объект – адресат» оспаривающая стратегия обслуживает сферу институционального и персонального общения и направлена на демонстрацию субъектом сомнения в том или ином аспекте адресатного статуса: в объективности/необъективности или ложности/истинности излагаемой им информации, в доминирующей / недоминирующей роли его статуса. Реализация оспаривающей стратегии обусловлена нормой права на изложение субъективной точки зрения и ценностью свободы слова. Манифестация дискредитирующей / реабилитирующей тактик осуществляется посредством экспозитивных высказываний (возражение, спор) и некоторых апеллятивов (вызов на дуэль, вызов на заключение пари).

Оспаривающая стратегия в векторе «субъект – объект – субъект» действует в сфере как институционального, так и персонального общения. В институциональном дискурсе ее реализация обусловлена нормой выполнения профессиональных обязательств (защитительная речь адвоката, обвинительная речь прокурора). В персональном дискурсе в случае реализации реабилитирующей тактики (самооправдание или оправдание кого-либо) данная стратегия обусловлена ценностью «сохранения лица» говорящего. В случае реализации дискредитирующей тактики в персональном дискурсе (раскаяние, самообвинение) оспаривающая стратегия опирается, главным образом, на такую ценность, как честность.

В юридическом дискурсе действуют устанавливающая, подтверждающая и оспаривающая перформативные стратегии. Устанавливающая стратегия реализуется посредством лимитирующей тактики (в векторе «субъект – объект») в комиссивных высказываниях (гарантия, письменно заключенное пари, соглашение, договор). Примером реализации лимитирующей тактики является письменная форма пари. Письменно заключенное пари, или пари-договор (wagering contract), представляет собой серьезную социальную акцию, внося существенные изменения в ситуацию общения: участники пари подписывают официальный документ и оказываются связанными со сферой официально-деловых отношений. Устанавливающая стратегия реализуется также посредством тактики адресатной идентификации (в нисходящем векторе «субъект – объект – адресат») в таких речевых жанрах, как вынесение судебного приговора и предъявление обвинения. Подтверждающая стратегия в юридическом дискурсе реализуется в восходящем векторе «субъект – объект – адресат» посредством тактики недоминирующего субъектного позиционирования в таких жанрах, как судебный иск и претензия в вышестоящие органы. Оспаривающая стратегия реализуется посредством дискредитирующей / реабилитирующей тактик в защитительной и

обвинительной речах. Выполняя свои функции по защите клиента, адвокат реабилитирует не только подзащитного, но и самого себя, свой коммуникативный статус, поскольку изначально позиция адвоката в суде подвергается сомнению со стороны обвинения. То же самое можно сказать о позиции обвинителя, которая подвергается сомнению со стороны адвоката. С этой точки зрения обвинитель, дискредитируя обвиняемого, реабилитирует себя. Адвокат осуществляет защиту посредством специализированной тактики оправдания. Тактика оправдания подзащитного может быть направлена на признание его поступка допустимым и возможным при известных обстоятельствах, заслуживающим снисходительного отношения. Тактика оправдания подзащитного с этой точки зрения является, на наш взгляд, одной из главных тактик в речи адвоката Белнепа в романе Т. Драйзера «Американская трагедия». Одним из способов реализации данной тактики является выявление слабых сторон характера подзащитного, его моральной незрелости:

"Gentlemen of the jury, the individual who is on trial here for his life is a mental as well as a moral coward - no more and no less - not a downright, hardhearted criminal by any means. Not unlike many men in critical situations, he is a victim of a mental and moral fear complex. Why, no one as yet has been quite able to explain. We all have one secret bugbear or fear. And it is these two qualities, and no others, that have placed him in the dangerous position in which he now finds himself. It was cowardice, gentlemen - fear of a rule of the factory of which his uncle is the owner, as well as fear of his own word given to the officials above him, that caused him first to conceal the fact that he was interested in the pretty country girl who had come to work for him. And later, to conceal the fact that he was going with her. – Господа присяжные! Тот, кого вы здесь судите и чья жизнь в ваших руках, – трус, личность умственно и нравственно малодушная, – не более и не менее, но отнюдь не закоренелый жестокосердный преступник. Подобно многим людям, оказавшимся в критическом положении, он стал жертвой особого сочетания страха – страх поразил и ум его и душу. Причины этого явления еще никто не сумел как следует объяснить. У всех нас есть свои тайные страхи, свои пугала. И не что иное, как это особенности его характера, поставили его теперь в столь опасное положение. Джентльмены, именно трусость, страх перед правилами, установленными на фабрике дяди, равно как и боязнь нарушить слово, данное фабричному начальству, - вот причина, заставившая его скрывать сначала свой интерес к хорошенькой девушке, которая стала работать в его отделении, а позднее – скрывать знакомство с ней (Т. Dreiser).

В данном примере Белнеп оправдывает своего подзащитного тем, что тот является моральным трусом, а не жестоким преступником (антитеза *mental as well as a moral coward – no more and no less – not a downright, hardhearted criminal by any means* употребляется здесь, чтобы показать, что в сравнении с жестоким преступлением малодушие не так чудовищно, как кажется). Адвокат проводит параллель между трусливым поведением Клайда и аналогичным поведением многих других людей в критических ситуациях (*Not unlike many*

men in critical situations, he is a victim of a mental and moral fear complex.), пытаясь даже вызвать жалость к ним, поскольку они становятся жертвами собственных страхов, жертвами своих комплексов (намекая, по-видимому, на отсутствие их вины в этом). Белнеп даже прибегает к тактике солидаризации, отождествления и себя в том числе с такими людьми (*We all have one secret bugbear or fear.*).

Относительно рекламного дискурса следует сказать, что двуплановость рекламных манипуляций обуславливает реализацию нескольких перформативных стратегий в каждом рекламном продукте. С одной стороны, в рекламе реализуется устанавливающая стратегия посредством тактики субъектной идентификации: рекламодатель позиционирует себя как производителя особенного продукта, выделяемого из ряда ему подобных, и возлагает на себя ответственность за сохранение доминирующего статуса на занимаемой им рыночной нише. Языковые средства, эксплицирующие превосходство определенного рекламного продукта над остальными, разнообразны, например: 1) игра слов: «*Drivers wanted*» / «*Водители его хотят / Разыскиваются водители (Водителей зовут)*»; игра слов – «*drivers want it*», обыгрывание значения глагола «*wanted*» – «*разыскиваются*» (Volkswagen, 1995); 2) преувеличение: «*Happiness is a cigar called Hamlet*» / «*Счастье – это сигара по имени “Hamlet”*» (Hamlet, 1969); 3) повторы: «*The future's bright. The future's Orange*» / «*Будущее ярко. Будущее – это “Orange”*» (обыгрывается значение слова «*orange*» – «оранжевый, яркий», т.е. «Будущее ярко. Будущее оранжевое») (Orange, 1996); 4) параллельные конструкции: «*No FT, no comment*» / *Без FT, без комментариев* (Financial Times, 1982); 5) хиазм: «*You give us 22 minutes, we'll give you the world*» / «*Вы уделяете нам 22 минуты, мы дарим Вам мир*» (WINS Radio, New York, 1965); эпитеты: «*Fly the friendly skies*» / «*Летайте в дружелюбном небе*» (United Airlines, 1966). С другой стороны, в рекламе реализуется подтверждающая стратегия в нисходящем векторе «субъект – объект – адресат» посредством тактики доминирующего субъектного позиционирования: рекламодатель как бы советует получателю рекламы воспользоваться рекламируемым продуктом, так как это во благо самого адресата.

Социальная реклама отличается от коммерческой рекламы отсутствием интенциональной и интерпретативной двуплановости. В ней реализуется подтверждающая стратегия в нисходящем векторе «субъект – объект – адресат» посредством тактики доминирующего субъектного позиционирования, причем доминирование здесь является сугубо коммуникативным и заключается в способности адресанта к социорефлексивности. Языковая экспликация социорефлексивности в социальной рекламе, представленной в оценочных общественных знаках, осуществляется посредством соотнесения аксиологической модальности с разными модальностями:

1) долженствования: «*Читать не вредно. Вредно не читать*». Оценочные суждения в данном примере представлены в виде синтаксического стилистического приема хиазма, благодаря чему оппозиция «*норма – антинорма*» получает характер ненавязчивого предписания: адресат имеет

право свободного выбора, но ориентироваться он должен на норму, поскольку она имеет положительную оценку;

2) запрета: «*Your body is your home. Don't smoke*» / «*Твое тело – это твой дом. Не кури*». В данном примере отсутствует эксплицитная отрицательная оценка последствий курения, однако метафора «*your body is your home*» служит имплицитным обоснованием запрета на курение: запрет мотивируется вредом, наносимым организму курильщика, в то время как живой и здоровый организм наделяется такой же ценностью, как и домашний очаг;

3) предостережения: «*Продавая пиво несовершеннолетним, Вы открываете перед чужими детьми новые перспективы*». В данной социальной антиалкогольной рекламе субъект высказывания предостерегает адресата от возлагаемой на него ответственности за «испорченную» судьбу чужих детей в случае продажи им алкогольного напитка. Выражение «открывать новые перспективы» звучит иронично, поскольку означает отнюдь не хорошие перспективы, а именно – перспективу получить алкогольную зависимость;

4) угрозы: «*The faster you go, the faster you arrive there*» / «*Чем быстрее ты едешь, тем быстрее окажешься там [на том свете]*». Скрытая угроза в данном общественном знаке позволяет передать оценочную пресуппозицию со знаком «–»: «Водить машину слишком быстро – опасно для жизни»;

5) совета: «*Preserve your world. Preserve yourself*» / «*Сохраняй свой мир. Сохраняй себя*». В данной социальной рекламе, пропагандирующей защиту окружающей среды, дается совет, который звучит достаточно категорично благодаря повторяющемуся императиву «*preserve*» и помогает выразить положительную оценочную пресуппозицию: «Охрана окружающей среды – это хорошо, поскольку, сохраняя мир вокруг, ты сохраняешь себя».

Качеством поступка в политическом дискурсе наделяются высказывания с идеологически наполненным пропозициональным содержанием, т.е. те, которые провозглашают, пропагандируют, критикуют либо опровергают какую-нибудь идеологию. В политическом дискурсе реализуются все четыре выделенные нами перформативные стратегии. Устанавливающая стратегия в векторе «субъект – объект – субъект» реализуется посредством тактики субъектной идентификации (самопровозглашение, самоустранение от власти, объявление об отставке, лозунг-объявление о своей победе / поражении, предвыборный политический лозунг). В нисходящем векторе «субъект – объект – адресат» устанавливающая стратегия реализуется посредством тактики адресатной идентификации в жанре назначения на государственную должность. В векторе «субъект – объект» реализуются лимитирующая тактика (политические договоры) и экспансивная тактика (политические декларации). Политические договоры и декларации сходны в плане идеологической нагруженности (оба документа представляют собой политические программы действий) и в плане обязательств, которые накладывают на себя их стороны и участники. Основным стратегическим отличием договора от декларации является то, что стороны договора действуют в рамках тех норм и обязательств, которые в нем прописаны, в то время как участники декларации наделяются определенными правами для осуществления дальнейшей деятельности.

Подтверждающая стратегия реализуется посредством тактики доминирующего субъектного позиционирования в нисходящем векторе «субъект – объект – адресат» в директивных высказываниях (указы президента, постановления правительства и парламента). Сюда же относятся предвыборные лозунги, в которых субъект косвенно советует адресату голосовать за него для собственного блага: «*Защитим себя сами!*» (Партия пенсионеров); «*Голосуй или проиграешь!*» (Б. Ельцин). Идеологическая нагруженность таких высказываний проявляется косвенно: субъект подтверждает свою приверженность принятой им идеологии, отдавая директивы, способствующие ее укреплению. Подтверждающая стратегия в восходящем векторе «субъект – объект – адресат» реализуется посредством тактики недоминирующего субъектного позиционирования в обращениях представителей государств в различные международные организации (Международный Суд ООН, Европейский суд по правам человека и т.п.) для разрешения международных споров и ситуаций, которые могут привести к нарушению стабильности или мира в стране. В рамках подтверждающей стратегии реализуются также тактики дружественного / конфронтационного позиционирования (в прямом векторе) в жанрах, находящихся на стыке политического и дипломатического видов дискурса (регулярные принятия официальных приглашений на мероприятия государственного уровня / отказы от приглашения и вступление в военный конфликт по требованию союзного договора о сотрудничестве / отказ от вступления). Оспаривающая стратегия реализуется посредством реабилитирующей / дискредитирующей тактик в жанрах, находящихся на стыке политического и юридического видов дискурса (суд над государствами по обвинению в международных преступлениях, осуществляемый международными трибуналами). Трансформирующая стратегия реализуется в коммуникативном векторе «субъект – объект – адресат» посредством тактик мелиоративно- и детериоративно-ориентированного позиционирования в жанрах, находящихся на стыке политического и дипломатического видов дискурса (признание / непризнание одним государством результатов всенародного референдума в другом государстве, принятие международных санкций / отказ от присоединения к ним, принятие официального приглашения на мероприятия государственного уровня / отказ от приглашения).

Речевые поступки в персональном дискурсе могут осуществляться посредством всех четырех перформативных стратегий: устанавливающей, подтверждающей, оспаривающей и трансформирующей. Устанавливающая стратегия действует в коммуникативных векторах «субъект – объект – субъект» и «субъект – объект». В векторе «субъект – объект – субъект» она реализуется посредством тактики субъектной идентификации в декларативных и экспрессивных высказываниях (самопровозглашение, признание виновности, восклицание о своей победе / поражении, похвальба). В случае признания вины или поражения субъект определяет свой коммуникативный статус как недоминирующий, что осложняет выбор в пользу данного самоопределения. В следующем примере герой признает свою вину и даже заявляет о готовности нести ответственность в виде наказания: *Я виноват перед тобой и должен*

наказать себя; прощай, я еду – куда? Почему я знаю? (М.Ю. Лермонтов). В случае самопровозглашения, признания своей победы или похвальбы субъект определяет свой коммуникативный статус как доминирующий: *Я не писал Вам никогда, не знаю почему, а сейчас душа просит. Это потому, что я – победитель. Вот когда и мне довелось одержать настоящую победу* (<http://search.ruscorpora.ru>). Сложность и ответственность выбора в пользу данного самоопределения состоит в том, что субъект должен вести себя соответствующим образом, чтобы в дальнейшем оправдать свое доминирующее положение.

В коммуникативном векторе «субъект – объект» в персональном дискурсе последний, как правило, имеет ограничительное действие. Устанавливающая стратегия с ограничительным действием объекта реализуется посредством лимитирующей тактики в комиссивных высказываниях (обещание, клятва, пари, соглашение / согласие). Комиссивные высказывания ограничивают поведение говорящего обязательствами, и именно осознание данного факта может удержать его от выполнения подобных речевых действий.

Подтверждающая перформативная стратегия в персональном дискурсе действует в нисходящем и восходящем векторе «субъект – объект – адресат». В нисходящем векторе реализуется тактика доминирующего субъектного позиционирования, объективируемая в форме директивных высказываний: приказов, требований, советов, предупреждений, разрешений, запретов. Отсутствие доминирующего социального статуса адресанта в некоторых директивных высказываниях в персональном дискурсе – совете, предупреждении, запрете, разрешении – может компенсироваться значимым для адресата авторитетом говорящего. В восходящем векторе «субъект – объект – адресат» реализуется тактика недоминирующего субъектного позиционирования посредством апеллятивов – неофициальных обращений реквестивного характера (просьба о помощи, о прощении, жалоба, мольба, молитва). Трудность выбора данной тактики обусловлена тем, что адресант намеренно и осознанно ставит себя в более уязвимое положение перед адресатом, как в следующем примере, где князь обращается с просьбой к мельнику-колдуну помочь ему в любовном деле:

- Колдун, – продолжал князь, смягчая свой голос, – помоги мне! Одолела меня любовь, змея лютая! Уж чего я не делал! Целые ночи перед иконами молился! Не вымолил себе покою (А.К. Толстой «Князь Серебряный»).

В данном примере просьба о помощи сочетается с жалобой. Князь уступает доминирующую коммуникативную роль человеку более низкого социального статуса, что выражается даже физически: он смягчил голос.

Также в векторе «субъект – объект – адресат» (в прямом, нисходящем либо восходящем) в персональном дискурсе (преимущественно бытовом) реализуются тактики дружественного позиционирования и конфронтационного позиционирования. Тактика дружественного позиционирования реализуется посредством похвалы, комплимента, шутки, разговора по душам, разъяснения, выражения положительного отношения к адресату, согласия помочь. Тактика

конфронтации реализуется посредством упрёка, оскорбления, ссоры, угрозы, ультиматума, шантажа, выражения отрицательного отношения к адресату, отказа в помощи. Речевые действия, объективирующие тактику дружественного позиционирования, могут быть квалифицированы как поступок в нисходящем и восходящем векторе «субъект – объект – адресат», поскольку иерархия в отношениях (возрастная, статусная и т.п.) создает основу для ситуации выбора.

Кроме этого, тактика дружественного позиционирования реализуется посредством формул социального этикета (приветствие, прощание, извинение, благодарность, поздравление, соболезнование, принятие приглашения / отказ от приглашения). Однако здесь следует отметить, что, как и в случае с другими речевыми действиями, объективирующими тактику дружественного позиционирования, повседневное использование формул социального этикета не является поступком. Речевым поступком эти действия становятся только в особых ситуациях: например, когда коммуниканты вынуждены прибегать к тактике дружественного позиционирования в силу обстоятельств, испытывая при этом противоположные чувства. Намеренное опущение формул социального этикета также является поступком / проступком, поскольку может сигнализировать о личностном конфликте коммуникантов.

Оспаривающая перформативная стратегия в персональном дискурсе действует в коммуникативных векторах «субъект – объект – адресат» и «субъект – объект – субъект». Языковой реализацией оспаривающей стратегии являются тактики дискредитации / реабилитации. Манифестация дискредитирующей / реабилитирующей тактик в векторе «субъект – объект – адресат» осуществляется посредством экспозитивных высказываний (возражение, спор) и некоторых апеллятивов (вызов на дуэль, вызов на заключение пари). В векторе «субъект – объект – субъект» в персональном дискурсе реабилитирующая тактика находит выражение в жанре самооправдания, а дискредитирующая тактика – в жанре раскаяния.

Трансформирующая перформативная стратегия реализуется в векторе «субъект – объект – адресат» посредством тактик мелиоративно- и детериоративно-ориентированного позиционирования. Мелиоративная и детериоративная тактики создают переходную ситуацию – от мира к конфликту и наоборот. Мелиоративная тактика реализуется посредством жанров, улучшающих межличностные отношения (разговор по душам, признание, комплимент, исповедь / проповедь, флирт, шутка); детериоративная тактика реализуется посредством жанров, ухудшающих межличностные отношения (обвинение, оскорбление, выяснение отношений, ссора, ирония, издевка, розыгрыш).

В **Заключении** подводятся основные итоги работы и намечаются перспективы дальнейшего исследования дискурсивной перформативности. Перспективы работы состоят в уточнении признаков перформативности как дискурсивного феномена, в изучении перформативных характеристик религиозного, научного, педагогического, делового, поэтического и других

видов дискурса, в выявлении специфики манифестации перформативности в определенных речевых жанрах.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Горбачева Е.Н. **Дискурсивная перформативность: признаки, типы, жанры: монография.** – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2015. – 304 с. (17,3 п.л.).

2. Горбачева Е.Н. **Концепт «спор» в русском и английском научно-философском дискурсе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки».** – 2006. – № 5 (18). – С. 64-68 (0,4 п.л.).

3. Горбачева Е.Н. **Обозначение и выражение лингвокультурного концепта «спор» в русском и британском политическом дискурсе // Вестник Астраханского государственного технического университета.** – 2006. – № 5 (34). – С. 195-200 (0,4 п.л.).

4. Горбачева Е.Н. **Перформативные характеристики адвокатской речи (на материале англоязычных текстов) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки».** – 2013. – № 9 (84). – С. 78-81 (0,4 п.л.).

5. Горбачева Е.Н. **Оппозиция «перформативное действие – перформативный дискурс» в речевом жанре «общественный знак» (на материале русского и английского языков) // Ценности и смыслы.** – 2013. – № 6 (28). – С. 79-83 (0,3 п.л.).

6. Горбачева Е.Н. **Языковая экспликация социорефлексивности в оценочных общественных знаках (на материале английского и русского языков) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.** – 2013. – № 7. Ч. 2. – С. 180-182 (0,3 п.л.).

7. Горбачева Е.Н. **Когнитивная модель перформативного дискурса // Историческая и социально-образовательная мысль.** – 2013. – № 6 (22). – С. 163-165 (0,3 п.л.).

8. Горбачева Е.Н. **Вербальная репрезентация ценностей/антиценностей в дискурсе адвоката (на материале англоязычных текстов) // Перспективы науки.** – 2014. – № 2 (53). – С. 117-120 (0,3 п.л.).

9. Горбачева Е.Н. **Раскаяние как перформативный речевой жанр // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки».** – 2014. – № 7 (92). – С. 38-41 (0,3 п.л.).

10. Горбачева Е.Н. **Речевая проекция психологической иерархии действий в перформативной дискурсивной практике // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина.** – 2014. – № 4 (Т. 1). – С. 161-166 (0,4 п.л.).

11. Горбачева Е.Н. **Перформативные стратегии и сценарии // Вестник Челябинского государственного педагогического университета.** – 2014. – № 7. – С. 279-289 (0,5 п.л.).

12. Горбачева Е.Н. Перформативные характеристики языковой личности // *European Social Science Journal* (Европейский журнал социальных наук). – 2014. – № 9. Т. 3. – С. 182-186 (0,5 п.л.).
13. Горбачева Е.Н. Категория фактогенности как прагматическая основа перформативности (на материале русско- и англоязычного юридического дискурса) // *Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина*. – 2015. – № 1 (Т. 1). – С. 177-183 (0,4 п.л.).
14. Горбачева Е.Н. Дискурсивные регистры и психологическая теория действий // *Глобальный научный потенциал*. – 2015. – № 1. – С. 55-59 (0,4 п.л.).
15. Горбачева Е.Н. Фактогенная перформативность в речевом жанре «спор» // *Историческая и социально-образовательная мысль*. – 2014. – Том 6. № 6. Ч. 2. – С. 64-67 (0,3 п.л.).
16. Горбачева Е.Н. Стратегическая перформативность в речевом жанре «спор» // *Перспективы науки*. – 2015. – №1 (64). – С. 67-70 (0,3 п.л.).
17. Горбачева Е.Н. Перформативные характеристики рекламного дискурса // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. – 2015. – № 3. Ч. 2. – С. 204-206 (0,3 п.л.).
18. Горбачева Е.Н. Стратегическая перформативность в политическом дискурсе // *Политическая лингвистика* / гл. ред. А.П. Чудинов; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2015. – Вып. 3 (53). – С. 102-106. (0,6 п.л.).
19. Горбачева Е.Н. Дискурсивная реализация коммуникативных концептов: учебное пособие. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 192 с. (10,4 п.л.).
20. Горбачева Е.Н. Структурные характеристики коммуникативного действия «спор» // *Россия и Восток. Обучающееся общество и социально-устойчивое развитие Каспийского региона: материалы III Международной научной конференции. 21-22 апреля 2005 года*. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2005. – Т. II: Культура как основа межличностного и межэтнического взаимодействия. – С. 222-225 (0,4 п.л.).
21. Горбачева Е.Н. Национально-специфические характеристики концепта «спор» в русской и английской лингвокультурах (на материале паремиологических единиц) // *Язык, перевод и международная коммуникация: мат-лы регион. науч. конф. 13-14 октября 2005 г.* – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2005. – С. 104-107 (0,3 п.л.).
22. Горбачева Е.Н. Коммуникативное действие «спор» в русской лингвокультуре // *Коммуникативное поведение*. – Вып. 23. Русское и финское коммуникативное поведение. – Воронеж: Истоки, 2006. – С. 29-35 (0,4 п.л.).
23. Горбачева Е.Н. Фразеологическое обозначение концепта «спор» в русской и английской лингвокультурах // *Актуальные проблемы коммуникации и культуры*. – Вып. 3. Междунар. сб. науч. тр. – Пятигорский государственный лингвистический университет: Москва – Пятигорск, 2006. – С. 300-305 (0,4 п.л.).

24. Горбачева Е.Н. Лексическое обозначение некоторых составляющих концепта «спор/ arguing» в английской лингвокультуре // Межкультурная коммуникация: современные тенденции и опыт: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Ч. I: Межкультурная коммуникация и современные лингвистические теории. – Нижний Тагил, 2006. – С. 35-38 (0,3 п.л.).
25. Горбачева Е.Н. Национальная специфика английского концепта «arguing» («спор») // Этнокультурная концептология: сб. науч. тр. – Вып. 1. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. – С. 52-59 (0,4 п.л.).
26. Горбачева Е.Н. Способы дискурсивной реализации концепта «противоречие» в русской и английской лингвокультурах // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире: сб. ст. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2007. – С. 248-252 (0,5 п.л.).
27. Горбачева Е.Н. Лингвокультурный коммуникативный концепт «спор» // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Изд. центр «Наука», 2007. – Вып. 5. Жанр и культура. – С. 209-224 (1 п.л.).
28. Горбачева Е.Н. Спор // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Т. 4. – Волгоград: Парадигма, 2006. – С. 259-273 (0,9 п.л.).
29. Горбачева Е.Н. Коммуникативный концепт «противоречие / disagreement» в политическом дискурсе // Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики: мат-лы постоянно действующего семинара. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2007. – С. 66-69 (0,4 п.л.).
30. Горбачева Е.Н. Концепт «спор» в русском и британском национальном сознании (по результатам социолингвистического эксперимента) // Межкультурная коммуникация: концепты и модели поведения: мат-лы Междунар. науч. конф., 15-16 октября 2007 г. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. – С. 11-15 (0,5 п.л.).
31. Горбачева Е.Н. Прагмалингвистические особенности спора // Актуальные проблемы коммуникации и культуры-6: сб. науч. тр. российских и зарубежных ученых. – Москва - Пенза, 2007. – Ч. 1. – С. 275-282 (0,5 п.л.).
32. Горбачева Е.Н. Коммуникативные концепты в системе лингвокультурных концептов // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире - 2: сб. ст. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2008. – Т.2. – С. 248-252 (0,4 п.л.).
33. Горбачева Е.Н. Риторические характеристики научно-философского спора // Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики: мат-лы постоянно действующего семинара. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. – Вып. 2. – С. 175-178 (0,3 п.л.).
34. Горбачева Е.Н. Категория противоречия в дискурсе разногласия // Язык - Сознание – Культура – Социум: сб. докладов и сообщений междунар. науч. конф. памяти профессора И.Н. Горелова. – Саратов: Изд. центр «Наука», 2008. – С. 152-160 (0,5 п.л.).
35. Горбачева Е.Н. Дискурсивная парадигма жанра «спор» в русской и английской лингвокультурах // Филологические этюды: сб. ст. молодых ученых: В 3 ч. – Саратов: Изд. центр «Наука», 2009. – Вып. 12, Ч. III. – С. 216-224 (0,5 п.л.).

36. Горбачева Е.Н. Речевой жанр «пари» / «betting»: дискурсивные и лингвокультурные характеристики // *Жанры речи: сб. науч. ст.* – Саратов: Изд. центр «Наука», 2009. – Вып. 6. Жанр и язык. – С. 317-329 (0,8 п.л.).

37. Агеева Т.А., Горбачева Е.Н. Ритуализация речевых действий в перформативном дискурсе (на примере ритуализованных форм обещания) // *Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы: сб. науч. ст.* – Волгоград: Парадигма, 2009. – Т. 2. – С. 8-15 (авт. – 0,3 п.л.).

38. Горбачева Е.Н. Прагматика дискурса разногласия // *Креативная лингвистика: сб. ст.* – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2009. – С. 60-68 (0,5 п.л.).

39. Горбачева Е.Н. Коммуникативный концепт «пари / betting» в русской и английской лингвокультурах // *Креативная лингвистика: сб. ст.* – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2010. – Вып. 2. – С. 71-82 (0,6 п.л.).

40. Горбачева Е.Н. Прагматика разногласия в деловом дискурсе // *Приоритеты и интересы современного общества // мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. 12-13 апреля 2010 г.* – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2010. – С. 302-305 (0,3 п.л.).

41. Горбачева Е.Н. Перформативность как дискурсивная категория // *Язык и общество в зеркале культуры: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Астрахань, 12-13 октября 2010 г.).* – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2010. – С. 236-241 (0,4 п.л.).

42. Горбачева Е.Н. Коммуникативное поведение перформативной языковой личности // *Человек. Язык. Культура: сб. науч. ст. к 60-летию юбилею проф. В.И. Карасика: в 2-х ч.* – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – Ч. 2. – С. 422-431 (0,6 п.л.).

43. Горбачева Е.Н. Дискурсивная категория перформативности: основные подходы к изучению // *Topical Problems of Communication and Culture. – Issue 16. International Collection of Research Articles.* – Moscow – Ryatigorsk: Ryatigorsk State Linguistic University, 2013. – С. 7-12 (0,3 п.л.).

44. Горбачева Е.Н. Перформативная парадигма речевого жанра «общественный знак» (на материале английского и русского языков) // *Лингвистика XXI века: сб. науч. ст. к 65-летию юбилею проф. В.А. Масловой.* – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – С. 610-617 (0,5 п.л.).

45. Gorbacheva E.N. Performative Characteristics of the Discourse of a Justice (based on the transcripts of the US Supreme Court sessions) // *Communicating Through The Universe. International Collection of Research Articles.* – Moscow – Ryatigorsk: Ryatigorsk State Linguistic University, 2014. – С. 314-318 (0,3 п.л.).

46. Горбачева Е.Н. Фрейм концепта «действие» в английском и русском языках // *Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике.* – Кемерово, 2014. – Вып. 4. – С. 59-64 (0,7 п.л.).

47. Горбачева Е.Н. Фрейм концепта «поступок» в русском языке // *Новые парадигмы в когнитивной лингвистике.* – Алматы – Кемерово – Витебск – Бишкек: КГУ, КазГУ, ВГУ, 2014. – С. 256-265 (0,5 п.л.).

48. Горбачева Е.Н. Речевой жанр «раскаяние»: когнитивный и лингвокультурный аспекты // Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике. – Санкт-Петербург, 2014. – Вып. 5. – С. 56-60 (0,5 п.л.).

49. Горбачева Е.Н. Языковая реализация подтверждающей перформативной стратегии // Теоретические и практические аспекты лингвистики, литературоведения, методики преподавания, перевода и межкультурной коммуникации: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Астрахань, 17 ноября 2014г.). – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2014. – С. 22-28 (0,3 п.л.).

50. Горбачева Е.Н. Аксиологическая основа стратегического перформативного дискурса в русской и английской лингвокультурах // Мир языковых форм: сб. науч. ст.: к 95-летию проф. Г.П. Цыганенко. – Санкт-Петербург: ВИ ЖДВ и ВОСО, 2015. – С. 292-298 (0,4 п.л.).

51. Горбачева Е.Н. Оспаривающая перформативная стратегия: этимология имени и языковая реализация // Мир языковых форм: сб. науч. ст.: к 95-летию проф. Г.П. Цыганенко. – Санкт-Петербург: ВИ ЖДВ и ВОСО, 2015. – С. 341-346 (0,3 п.л.).

52. Горбачева Е.Н. Фактогенная перформативность в политическом дискурсе // Новое в когнитивной лингвистике XXI века: сб. науч. ст. – Бишкек – Волгоград – Екатеринбург – Санкт-Петербург, 2015. – С. 240-250 (0,7 п.л.).

53. Горбачева Е.Н. Градация фактогенной перформативности в дискурсе // Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы: мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф. – Волгоград: Парадигма, 2015. – С. 176-183 (0,4 п.л.).

54. Горбачева Е.Н. Перформативность в бытовом дискурсе // Русская устная речь: мат-лы Всероссийской науч. конф. с междунар. участием «II-е Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения» (г. Саратов, СГУ, 18-19 ноября 2015 г.). – Вып. 2. – Саратов: Амирит, 2016. – С. 37-44. (0,4 п.л.).

Заказ № 0198/16 Подписано в печать 25.03.2016 г. Тир. 100 экз.
Гарнитура Times New Roman. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 2,5

Типография ООО «Альфа Принт»

Ю.а.: 414004, г. Астрахань, ул. Б. Алексеева 30/14

e-mail: Alfager@rambler.ru

тел: 89033485666

